

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПАССИ

(Комментарии автора к отчету Рибьера)

Капитан Деваврен, ставший впоследствии полковником Пасси, примерно, следующим образом рассказывает о своем «вступлении в должность»:

— Звать?

— Д'ваврен, господин генерал. К'питан Д'ваврен.

— Будешь командовать моим 2-м бюро. Вольно!

Одно из двух: либо полковник Пасси желает внушить нам, что его начальник де Голль — идиот или, по меньшей мере, легкомысленный человек (что мало вероятно), либо он просто принимает своих читателей за идиотов.

Мыслимо ли, чтобы генерал де Голль предоставил столь важный пост неизвестному ему человеку без специальной квалификации? (Деваврен был инженером и саперным офицером!)

Пасси прибыл из Норвегии. Он принадлежал к штабу генерала Бетуара¹, который утверждал, вопреки сфотографированному документу, опубликованному одной газетой, что он ни в коей мере не был кагуляром. Английская газета «Нью стейтсмен энд нейшн» писала 1 июля 1944 г.: «Пасси прибыл сюда, привезя с собой тайны 2-го бюро, чтобы создать французскую разведку». Это вполне вероятно, тем более, что некоторые отделы 2-го бюро были сформированы из работников разведывательной службы общества «Кагуль». Добавим, что существуют подозрения, что Пасси был секретарем Делонкля²...

¹ Генерал Бетуар — бывший начальник французского генерального штаба, впоследствии французский верховный комиссар в Австрии. Оказался замешанным в фашистском заговоре, раскрытом во Франции в 1947 г. (*Прим. ред.*)

² Делонкль — главарь кагуляров, открыто перешедший в годы оккупации Франции на службу к гитлеровцам. (*Прим. ред.*)

Предположим, однако, что генералу по ошибке попался кагуляр в хаосе первых месяцев после разгрома Франции и в условиях нехватки кадров, заставлявшей де Голля использовать первых попавшихся людей. Тем не менее, факт остается фактом, что генерал ни разу не нашел ни одного слова осуждения для своего помощника и упорно держал его на занимаемой им должности.

Генерал Коше, бывший некоторое время начальником Пасси, осмелился потребовать у генерала де Голля увольнения Пасси Действительно, из двух человек — Пасси и генерала Коше — один был принесен в жертву... И, конечно, не Пасси.

В свою очередь, Эммануэль д'Астье де ля Вижери¹, который вел в то время переговоры с Черчиллем, также потребовал увольнения Пасси. Казалось, что генерал де Голль уступил. Он заменил Деваврена Сустелем².

Министр, который жаловался, что Пасси перехватывает его документы и саботирует его приказы, был удовлетворен. Но Пасси был прикомандирован к штабу генерала Кенига³. Б.С.Р.А., в свою очередь, было присоединено к этому штабу... и Пасси снова оказался во главе Б.С.Р.А.

Не он ли письменно угрожал, что, в случае его увольнения, он обречет свое Бюро на полную беспомощность?

Б.С.Р.А. превратилось в Главное управление изучения и расследований (Д.Ж.Е.Р.). Генерал де Голль после освобождения Франции сделался премьер-министром временного правительства республики. Полковник Пасси и после освобождения остался начальником Д. Ж. Е. Р. «Государство в государстве» сохранилось с тем же вожаком во главе — Девавреном, верным слугой генерала

¹ Эммануэль д'Астье де ля Вижери — комиссар внутренних дел французского Национального комитета в Лондоне (*Прим. ред.*)

² Жак Сустель — ярый деголлевек, бывший преподаватель Парижского университета, был назначен де Голлем комиссаром по делам информации, сейчас генеральный секретарь Р. П.Ф. (*Прим. ред.*)

³ Генерал Кениг был назначен де Голлем «командующим французскими внутренними силами» Впоследствии главнокомандующий оккупационными войсками во французской зоне оккупации Германии (*Прим. ред.*)

де Голля, независимо от того, занимает ли тот пост председателя совета министров или нет.

Когда генерал де Голль внезапно оставил пост премьер-министра, заявив, вопреки всякому правдоподобию, что отныне «поезд поставлен на свои рельсы» и «основное сделано», только тогда полковника Пасси отблагодарили. Его заменил Рибьер.

Деваврэн передал свою бухгалтерскую отчетность своему преемнику. Отчетность оказалась подложной. Он письменно заверил Рибьера, что его бухгалтерские книги находятся в порядке. Они были подделаны. Он лично приказал одному из своих помощников создать тайные денежные резервы из средств, предназначенных для французского правительства.

Этот помощник, Ландрие, покончил с собой при чрезвычайно подозрительных обстоятельствах. Накануне того дня, когда произошло «самоубийство», два человека, одетые в военную форму, явились в форт Шатийон, где сидел Ландрие, и, утверждая, что они, якобы, являются представителями военного суда, потребовали, чтобы им выдали заключенного. Их документы показались подозрительными, им было отказано. Кто были эти люди — остается тайной.

Вспомним, что предателя Фаржона, двоюродного брата генерала де Голля, таким же способом похитили у арестовавших его инспекторов полиции; он также «покончил самоубийством» или, по крайней мере, был найден его мнимый труп, совершенно не поддающийся опознанию...

В Кемпэре 17 января 1945 г. предателя Сутифа в 16 час приводят из тюрьмы Сен-Шарль к судебному следователю Сюлтана. В 18 час к последнему является лейтенант Анри, который предъявляет предписание Д. Ж. Е.Р. и просит судебного следователя Сюлтана разрешить ему допросить Сутифа в помещении военного трибунала, причем берет на себя препровождение заключенного в тюрьму Сен-Шарль. Просьба лейтенанта Анри удовлетворяется. Он доставляет Сутифа в Париж и отпускает его на свободу.

Методы те же, и немногого недоставало, чтобы Ландрие остался жив. Раз его не удалось освободить, он «покончил самоубийством».

Но для каких целей были созданы эти тайные, незаконные денежные фонды? Если дело шло об учреждении «Экспортно-импортного общества», то это можно квалифицировать только как кражу. В противном случае, какие *политические* операции прикрывала эта ложь?

4 сентября 1946 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Возможно, что таинственное расхищение государственных фондов, в котором обвиняется известный полковник Деваврэн, он же Пасси, имеет некоторое отношение к политическим планам генерала де Голля».

Прежде чем перейти к комментариям, укажем, кто были основные руководители Д.Ж.Е.Р.:

Начальник Д. Ж. Е. Р. — полковник Андре Деваврэн, он же Пасси.

Начальник отдела управления — полковник Андре Манюэль.

Начальник штаба — капитан Лаана, он же Ландриэ.

Начальник отдела контрразведки — капитан Тьерри Миг, он же Водрейль.

Начальник отдела воздушных операций — капитан Дютэ.

Начальник финансового отдела — Саффар, которого сменил Арата.

* * *

По признанию капитана Нокка, похищенные миллионы образовались «из средств, не сброшенных на парашютах во Францию». Начиная с осени 1944 г., денег во Францию больше не сбрасывали. В отчете Рибьера отмечается, что эти нелегальные фонды были обнаружены в апреле 1946 г. Нелегальное хранение этих средств продолжалось достаточно долго для того, чтобы намерение вернуть их «завтра» не стало выглядеть более чем сомнительным.

Если вначале были указаны лишь два нелегальных фонда, то это отнюдь не означало, как мы видели, что не существовало других. Полковник Пасси признает свою ответственность за создание двух упомянутых фондов, состоящих из 30 млн. франков. Он выдает еще два других. Но глава Д.Ж.Е.Р. «не знает», сколько миллионов в иностранной валюте доверил он своему агенту и где скрывается этот агент. Он отказывается назвать имя другого

хранителя денежных средств, которому было передано четыре с половиной миллиона. Когда следователи требуют от него возмещения этой суммы, Деваврэн вынужден представить документ, компрометирующий некоего Роберта, который содействовал предоставлению газете «Франссуар» аванса в 10 млн. франков.

Жак Роберти принадлежит к марсельской средней промышленной буржуазии. Он пользуется очень дурной репутацией. Отец его был членом правления газеты «Пти Провансаль»; но кто из них, отец или сын, сотрудничал в «Грэнгуаре»¹? Жак Роберти был скомпрометирован в деле Устрик. В октябре 1945 г. он стал главным директором и членом правления анонимного общества «Терра-золит», которое до 1939 г. имело дефицитные балансы, а с 1941 г. начало получать крупные прибыли.

Вместе с Жаком Роберти в административном совете этого общества заседает барон де Гарган, связанный с де Ванделями, и барон де Ротур, принадлежащий к очень реакционной семье из департамента Нор.

Жак Роберти был ответственным администратором газеты «Курье де Пари», директор которой, Ролан Пре, тесно связан (он этого не отрицает) с «Комитэ де Форж»² и, не менее тесно, — с кланом генерала де Голля. Ролан Пре был одним из двух представителей генерала в Париже в августе 1944 г. Он со своим коллегой был одним из тех, кто пытался задушить парижское восстание и навязать перемирие, которое, лишая народ победы, поставило бы город в опасное положение. Газета «Курье де Пари» платила своим сотрудникам в течение целого года еще до выхода в свет ее первого номера и закрылась 20 июня 1946 г. после присоединения к П.Р.Л.³ с дефи-

¹ «Грэнгуар» — фашистская газета. Редактор ее Карбучья, зять известного фашиста Кьяппа, был казнен французскими патриотами за коллаборационистскую деятельность (*Прим. ред.*)

² «Комитэ де Форж» (Comite des Forges) — реакционная предпринимательская организация, в нее входят крупнейшие промышленники-монополисты Франции. (*Прим. ред.*)

³ П.Р.Л. — P.R.L. — Parti Republicain de la Liberie — «Республиканская партия свободы» — под этим названием скрывается махровая фашистская организация, образовавшаяся в декабре 1945 г. и пользующаяся поддержкой заправил трестов и банков. (*Прим. ред.*)

цитом в 17 млн. Интересно, что администратор газеты, оставившей такой долг, мог за несколько дней до этого дать займы 10 млн. франков своему коллеге, не вызывая ни у кого подозрения.

Так Роберти, человек с весьма плохой репутацией, признался в том, что он получал от полковника Пасена на хранение деньги и документы. Какие документы? Допустимо ли, чтобы контрразведка доверяла хранение своих документов лицам подобного сорта?

С другой стороны, кому подведомственен начальник крупного военного управления, который ради своей личной выгоды продает на «черном рынке» золото и иностранную валюту? И как объяснить тот факт, что французский офицер может взять на себя создание военного фонда республики без соответствующего решения министров этой республики?

Чем объяснить также, что этот офицер продолжает свободно пользоваться созданными фондами, не давая в них отчета новому главе правительства?

Как можно, наконец, считать допустимым тот факт, что полковник Деваврэн поинтересовался мнением генерала де Голля о тайных денежных фондах, созданных еще в то время, когда тот был главой правительства, лишь в апреле 1946 г, то-есть спустя четыре месяца после ухода де Голля в отставку?

Подумать только! 77 млн. похищены у государства, а Пасси не понимает, что его долг — вернуть их государству; он нуждается в указании политического деятеля, который был его начальником, который, якобы, ничего не знает об этих хищениях и который, тем не менее, дает «приказ вернуть фонд по назначению», как будто эти миллионы находятся не в руках агентов Пасси, а в руках его собственных агентов!

Если даже предположить, что полковник Пасси действительно предпринял, как он утверждает, накануне своего ареста шаги, в результате которых он получил официальное указание через капитана Ги вернуть деньги, то разве это не возмутительно, что военный служащий позволяет себе просить указаний у бывшего председателя совета министров, ставшего простым гражданином,

вместо того, чтобы просто-напросто возвратить главе правительства незаконно задержанные суммы?

Неудачное объяснение полковника Пасси только указывает на то, что четыре месяца спустя после отставки де Голля во Франции, наряду с законным правительством республики, продолжала существовать другая власть — власть генерала де Голля и власть Д.Ж.Е.Р., ставивших себя выше ненавистой им республики!

* * *

Газета «Комба» писала 22 июня 1946 г.: «Говорят, что средства, похищенные Д.Ж.Е.Р., достались частично одной ежедневной газете, которая впоследствии не оказала особой поддержки полковнику Пасси».

Так ли это на самом деле? Перечитаем газету «Курье де Пари», которую имела в виду «Комба». Первый ее номер появился 18 сентября 1945 г. в этом же месяце она клеймит «политические группировки», то-есть политические партии, в таких же выражениях, какие употребляет «великий» покровитель полковника Пасси — де Голль. В октябре газета подчеркивает необходимость не терять уже и без того поколебленного доверия «великого американского народа». 17 ноября она поет дифирамбы де Голлю, повествуя об овациях, которыми встречают де Голля... в некоторых кинотеатрах, и делает вывод: «Каждый сеанс — это плебисцит». 4 декабря она начинает печатать сочиненный Гастоном Бонер панегирик под названием «Шарль де Голль и его судьба». 5 мая 1946 г. она открыто выступает против конституции: «Каков наш совет избирателям? Мы говорим: «Нет!»¹

Деньги, оказывается, были помещены полковником Пасси не так уж плохо... несмотря на пропажу семнадцати миллионов!

¹ Во время происходившего в 1946 г. во Франции референдума избиратели должны были отвечать «да» или «нет», принимая или отвергая таким образом выработанную Учредительным собранием конституцию. (Прим. ред.)

Как мы видим, газета, которой полковник Пасси оказал услугу, отнюдь не оказалась неблагодарной. После весьма осторожного и деликатного сообщения о начале скандального дела Пасси, газета «Курье де Пари» писала 8 мая 1946 г.: «Сообщают, что полковник Деваврэн не замешан в деле по расхищению средств; он обвиняется в недопустимой небрежности». Газета спешит уверить своих читателей, что этот человек, виновный лишь в «небрежности», «один из ближайших соратников генерала де Голля», «славно боролся за освобождение Франции»; газета публикует полный официальный список его французских и иностранных наград!

После этого газета «Курье де Пари» преданно хранила молчание о деле Пасси! 27 мая газета призналась в том, что она «предоставила себя в распоряжение П.Р.Л.». 18 июня она поместила полностью текст выступления генерала де Голля в Байе. 20-го она выпустила свой последний номер.

Сверх 10 млн, переданных газете «Франс-суар», Роберти получил еще 4,5 млн. франков. Нельзя ли узнать, что случилось с ними? Но сперва о Роберти. Куда его посадили? Когда его будут судить? Затем уже о четырех с половиной миллионах

Эта сумма предназначалась для газеты «Курье де Пари». Упоминается ли она в бухгалтерских отчетах этой газеты? Или, быть может, эти деньги не были использованы по их преступному назначению?

А кто спекулировал бумагой в редакции этой газеты, которая выходила тиражом в 30 тыс., а бумаги получала на 120 тыс. экземпляров? И кому сбывалась эта бумага?

Дело Пасси началось в мае. «22 июня, — пишет «Франс-суар», — Роберти поклялся своей «честью», что «Франс-суар» ничего не знала о происхождении полученных ею 10 млн.». Но как объяснить тот факт, что 5 июля «Франс-суар» направила газете «Курье де Пари», переставшей уже выходить, письмо, в котором она признавалась в своей задолженности Роберта? Это письмо побудило к терпению кредиторов «Курье де Пари», имевших право на возмещение долга в первую очередь, т. е. сотрудников этой газеты. Роберти оставил

им 2 млн. 300 тыс. франков, которые «Франс-суар» обязалась выплатить в октябре. Эта операция дала возможность «Курье де Пари» избежать банкротства. Была объявлена ликвидация имущества в судебном порядке¹.

А разве 5 июля газета «Франс-суар» еще ничего не знала ни о заявлениях Роберти, ни о скандальном деле Пасси?

Что же касается полковника Деваврена, то он продолжал пользоваться этими четырьмя с половиной миллионами в то время, когда «он уже не являлся даже главным директором Д.Ж.Е.Р.». Это значит, что он использовал для «своих личных целей в области внутренней политики» деньги, которые он должен был передать своему преемнику и которые он присвоил. Это называется расхищением общественных средств; это называется должностным преступлением! Потом)-то, видимо, полковник Деваврен и был приговорен к тюремному заключению... на 60 суток.

Правда, «Франс-суар» направила газете «Се суар», первой опубликовавшей доклад Рибьера, письмо, в котором она пыталась обелить себя. Чрезвычайно характерно, что «Франс-суар» не поместила на своих собственных столбцах ни одной строки ни об этом письме, ни о деле Пасси вообще и примирилась с тем, что ее читатели оставались в неведении о скандале, который, однако, имел очень близкое к ним отношение.

Из письма, посланного газетой «Франс-суар» в редакцию «Се суар», явствует, что подписавший его г-н Бланк ничего, якобы, не знал о происхождении 10 млн., которые Роберти передал «Франс-суар» по поручению Д.Ж.Е.Р., что являлось незаконной операцией, которую Деваврен, Арата и Саффар тщательно замаскировали в бухгалтерской отчетности.

Г-н Бланк говорит, что ему это показалось просто любезностью со стороны Роберти, члена правления газеты «Курье де Пари».

¹ То-есть продажа с торгов имущества несостоятельного должника, если не обнаружено с его стороны «злого умысла». В противном случае он объявляется банкротом, что влечет за собой уголовную ответственность. (Прим. ред.)

Мы охотно верим в неведение¹ г. Бланка; но никто не поверит ни в бескорыстие Д.Ж.Е.Р., ни в то, что Пасси мог допустить выдачу столь крупного аванса без соответствующей «компенсации».

«Заем, — пишет «Франс-суар», — был предоставлен в октябре 1945 г.». 23 сентября «Франс-суар» поместила хвалебный обзор «заслуг» Пасси под заголовком: «Преобразуя Д.Ж.Е.Р., которое было «сердцем» сопротивления, Франция создает свою «Интеллидженс сервис». 27 сентября газета называет Плевена, этого подручного генерала де Голля (Плевен был избран председателем Ю.Д.С.Р.² в тот период, когда эта партия решила примкнуть к Р.П.Ф.), «великим французом» и «не только самым способным, но и самым популярным из всех французских министров».

Скандал разразился в начале мая. «Франс-суар» рассказала кратко об исчезновении 28 млн. и, «более того», о спекуляциях валютой; она писала также, что полковник Пасси «со дня своего ареста не имел возможности с кем-либо сноситься; он ничего не мог передать о себе непосредственно даже своей молодой жене»; «Франс-суар» отметила, что генерал де Голль «потребовал и добился того, чтобы это дело не разглашалось до тех пор, пока оно не перейдет из области административной в сферу судебную».

Но когда Пасси переходит в контратаку, «Франс-суар», до сих пор не особенно рекламировавшая это дело, предоставляет слово полковнику Деваврону. Газета пестрит такими заголовками: «Пасси отвечает по пунктам на обвинения министра юстиции»; «Пасси не должен быть искупительной жертвой на алтаре трехпартийной системы»; «Я видел полковника Пасси, который в течение двадцати дней был оставлен без пищи».

¹ Игра слов: можно понять также «невежество». (Прим. ред.)

² Ю. Д. С. Р. — U.D.S.R. — Union Democratique Socialiste de la Resistance — «Демократический социалистический союз сопротивления» — крайне-правая организация, отколовшаяся в 1945 г. от «Движения национального освобождения». Известна своими продегаллевскими настроениями. Председатель ее Плевен — бывший министр финансов в правительстве де Голля — тесно связан с американскими трестами. (Прим. ред.)

Мы могли бы продолжать эти цитаты, но к чему? Предположим еще раз, что г-н Бланк мог не знать, что «Франс-суар» «пользовалась, — повторяя выражение Роберти, — щедротами полковника Деваврена».

Но Пасси-то знал, куда шли его миллионы и для чего...

Мы улыбаемся, читая в докладе Рибьера, что предоставление займа в 10 млн. франков газете «Франс-суар» «не было связано с задачами» учреждения, которым руководил Пасси. Нам кажется, что подкуп не должен быть «связан с задачами» никакого учреждения!

Для этой операции Пасси использует Роберти, о котором, однако, он получил от капитана Водрейля «весьма неблагоприятные сведения». «Франс-суар», со своей стороны, принимает 10 млн. франков от этого же Роберти, не испытывая никакого удивления по поводу наличия у него столь внушительной суммы.

В то время, когда скандал с Пасси уже разразился, когда стало очевидно, что Д.Ж.Е.Р. передало 10 млн. франков газете «Франс-суар» «для использования ее в своих целях в области внутренней политики», только тогда «Франс-суар» обращается к секретарю канцелярии председателя совета министров г-ну Фалэзу с просьбой произвести следствие по этому делу (нам непонятно, однако, на каком основании он будет исполнять эту роль).

Но редакция «Франс-суар» не предпринимает столь естественной, казалось бы, меры, — выбросить на улицы Парижа специальный выпуск своей газеты с заголовком: «Д.Ж.Е.Р. хотело подкупить «Франс-суар». Чем объяснить это молчание? Почему бы не показать своим читателям все махинации и жульнические проделки, которые оказались раскрытыми?

Ибо факты налицо! Десять миллионов были действительно переданы Д.Ж.Е.Р. г-ну Роберти «для газеты «Франс-суар». Газета опровергает утверждение Пасси, что заграничные корреспонденты «Франс-суар» были предоставлены в распоряжение Д.Ж.Е.Р. Несомненно, что по такому важному вопросу Пасси был допрошен весьма основательно; что же он сказал?

Если Пасси признался бы в том, что он солгал, то как же тогда Пасси может объяснить тот факт, что он

передал Роберти для «Франс-суар» такой «пустячок», как 10 млн. франков? И почему разглашение этого займа имело бы «тяжелые последствия для генерала де Голля?» Не потому ли, что в результате выявилась бы довольно скандальная подоплека некоторых кампаний, проводимых де Голлем в прессе?

* * *

Вернемся к операциям по «маскировке» средств. Полковник Деваврэн приказывает одному из своих подчиненных подделать отчетность, а тот не только соглашается на это, но и без всяких затруднений договаривается по этому вопросу со своим предшественником. Такого рода операции, повидимому, отнюдь не были редким исключением для руководителей Д.Ж.Е.Р.

Крупная сумма денег должна поступить в государственную казну от полковника Дюлака. Но ловким трюком ее используют на возмещение миллионов, отданных газете «Франс-суар». Растрата маскируется и становится невидимой в бухгалтерской отчетности.

Но неужели никто не заметил, что эти 10 млн. полковника Дюлака не вернулись по назначению? В таком случае, сколько же еще полковников могли передать Пасси по десяти миллионов, следов которых сейчас нельзя уже найти?

За девять месяцев главный казначей Алжира передал Б.С.Р.А. 2 млрд. 300 млн франков. Обнаруженные хищения достигают в итоге 77 млн. Значит ли это, что Пасси и его друзья расхитили только 77 млн?

Можно было бы сказать, что Деваврэн был, поистине, очень неудачливым и неловким жуликом, если бы все его мошеннические операции были раскрыты сразу; во всяком случае, сами следователи не берутся этого утверждать.

Показания самого Пасси свидетельствуют о существовании тайных денежных резервов не только в одном Лондоне. В самом деле, если верить Деваврэну, действия которого вполне отвечали замыслам генерала де Голля, дело шло о создании «военного фонда», нелегально и без ведома правительства республики, на тот

«роковой», по мнению де Голля и Пасси, день, когда генерал снова покинет Францию и станет представлять за границей верховную власть страны.

А ведь на этой весьма рискованной гипотезе о предстоящей новой войне де Голль строил свою кампанию против конституции и за «сильного» президента, на базе этой гипотезы был создан «военный фонд», который, как мы видим, использовался «для личных целей в области внутренней политики», хотя был образован в расчете на «будущую войну».

Вероятно ли, что при таких условиях Пасси хранил все свои фонды только в Англии? И куда на сей раз собирался отправиться де Голль, удирая из «незащищенной Франции», — в Лондон, или куда-либо еще?

Итак, одно из двух либо Деваврен просто придумал оправдание своим хищениям и действительной целью последних было лишь создание фонда для его личного пользования, либо он сказал правду, и в таком случае не все еще тайные резервы обнаружены. Далеко не все.

Говорят, Пасси растратил только 77 млн. франков, но он «забыл» в Лондоне еще 23 млн., которые потом оказались просроченными. Правдоподобно ли это? Можно ли забыть треть своего состояния?

Скажем прямо: сводить хищения Д. Ж. Е. Р. только к 77 млн. было бы противно здравому смыслу.

Мы не ставим здесь под сомнение профессиональную добросовестность следователей. Но мы знаем, как и в каких масштабах занималось Д. Ж. Е. Р. спекуляцией иностранной валютой!

Способ, обычно применяемый Пасси и его друзьями для пополнения их тайной кассы, состоял из трех операций: 1) обмен франков на иностранную валюту по официальному курсу через финансовые органы Д. Ж. Е. Р. и через бюро обмена валюты; 2) продажа на «черном рынке» этой валюты и получение в результате этого в три раза больше французских франков, чем их было вложено; 3) возмещение первоначальной суммы кассе Д. Ж. Е. Р. и прикармливание разницы!

Сколько еще десятков и сотен миллионов было «заработано» при помощи таких спекулятивных операций?

Разве не пользовался Пасси особыми привилегиями в отношении обмена валюты? Разве не обладали его агенты, как и дипломаты, правом не открывать своих чемоданов перед таможенными чиновниками? Кто, кстати, заведывал в то время бюро по контролю над обменом валюты на улице Бассано? Было ли проведено обследование в бюро обмена (в докладе Рибьера об этом — ни слова)? Сколько миллионов обменяло Д.Ж.Е.Р. на иностранную валюту?

Разве можно ручаться, например, за то, что в стране Трумэна не находятся сейчас такие же значительные суммы, как в стране Черчилля?

А франкистская Испания разве ничего не укрывает? А Португалия Салазара?

Вероятнее всего, правда никогда не будет установлена полностью. Но часть ее известна, признана и записана в протоколах допросов Пасси: он присвоил 77 млн. франков, что бесспорно, или в сто раз больше, что весьма вероятно Пасси подделывал счета, присваивал деньги; спекулировал золотом и валютой; использовал часть средств в личных целях; располагал значительными суммами даже тогда, когда он уже не был главным директором Д.Ж.Е.Р. Полковник Пасси безнаказанно воспользовался девальвацией для продажи на «черном рынке» валюты, которой располагало его управление. Кроме того, как он совершенно спокойно заявляет, он продавал на «черном рынке» лично ему принадлежавшие золото и валюту.

Одно из двух. Или факт установлен, и не может быть двух правосудий, — одного для мелких спекулянтов, другого для главных директоров Д.Ж.Е.Р. Тем более, что это не что иное, как обыкновенное уголовное преступление. Пасси заявляет, что его операции с золотом и валютой не имели отношения к его службе.

Или же Деваврен солгал. Но тогда откуда у него деньги, как не из расхищенных им средств?

В первом случае Пасси должен быть предан суду.

Во втором случае Пасси также должен быть предан суду.

Но есть нечто еще более серьезное, чем то, что Пасся не может отчитаться в использовании растрченных им миллионов.

Он заявил:

«В ноябре 1945 г., ввиду возможности международных осложнений, было решено создать «военный фонд».

Решено кем? Постановило ли это Национальное собрание? Или совет министров? И почему после такого туманного «было решено» Пасси спешит взять на себя всю ответственность: «Я один принял это решение»?

Однако замыслы генерала де Голля помогают понять деятельность полковника Деваврена. «Война, — говорил последний Саффару, — разразится до августа 1946 г. Тогда снова обратятся к генералу, который соберет силы Франции. Наша штаб-квартира будет восстановлена, вероятно, в Лондоне. Мы встретимся тогда снова, как в 1940 г.»

«Международное положение очень серьезна, — заявил⁷ де Голль Гуку десять месяцев спустя, и газета « уа дю нор» опубликовала это заявление. — Я не говорю, что война будет завтра, я не говорю также, что ее не будет... Обстановка чревата опасностями. Война может обрушиться на Францию в то время, как во главе государства не будет человека, обладающего необходимыми средствами, чтобы защитить и охранить суверенитет Франции».

Таким образом, по мнению де Голля, конституция должна предоставить всю полноту власти главе государства для того, чтобы он мог захватить с собой суверенитет Франции, когда он снова поедет в Лондон!

Таким образом, и генерал де Голль, и Пасси мыслят одинаково. Отсюда логично сделать вывод, что полковник Пасси расхищал миллионы, принадлежащие республике, для генерала де Голля, который считает себя будущим главой будущего французского правительства в будущей войне.

В ожидании же будущей войны можно использовать эти миллионы в интересах внутренней политики генерала.

Вот где «государство в государстве» видно особенно ярко!

Директор финансового отдела Д.Ж.Е.Р. Арата и его предшественник Саффар полностью согласны друг с

другом не только по вопросу о подделке бухгалтерской отчетности; они также единодушно заявляют, что полковник Деваврен всегда подчеркивал, что он действует от имени генерала де Голля.

Правда ли это? «Это не установлено», говорится в докладе Рибьера. Однако известно, что генерал де Голль никогда не соглашался расстаться с Пасси. На письменном столе Пасси красовалась фотография генерала с посвящением, которое сейчас наводит на размышления «Первому, лучшему, старейшему из моих товарищей в знак полного доверия». Проявление этого полного доверия мы видели 22 сентября 1945 г. в сообщении, выпущенном канцелярией главы временного правительства, то-есть генерала де Голля: «Недавно, — говорилось там, — относительно Д. Ж. Е. Р. появились многочисленные, в корне неправильные или тенденциозные сообщения». И, после довольно пылкого восхваления этого учреждения, канцелярия главы правительства заканчивала свое сообщение высокомерными словами «Связанное долгом дисциплины, Д. Ж. Е. Р. не может отвечать на неблагоприятные нападки и инсинуации иначе, как добросовестно продолжая выполнение порученного ему дела».

Какое же это дело? Финансирование той или иной газеты? Спекуляция золотом и валютой? Создание тайных денежных резервов?

Несомненно, что Пасси лично использовал часть похищенных средств. Но это мелкое мошенничество, являющееся частью другого, более крупного преступления, представляет интерес лишь постольку, поскольку оно дает нам представление о личности Пасси.

Серьезное, особенно серьезное значение в этом деле имеет то, что кишашее врагами республики, руководимое Пасси, покрываемое генералом де Голлем Д.Ж.Е.Р. образовало «государство в государстве» и осмелилось отказаться дать отчет новому руководству, не желая признавать законность решений парламента, смены кабинета и указов республики. А в денежном отношении оно считало себя вправе, говоря словами генерала де Голля из его книги «На острие шпаги», «перешагнуть через видимость ложной дисциплины». А это значит —

присвоить средства республики для целей внутренней... антиреспубликанской политики.

Могут сказать, что Пасси злоупотреблял доверием генерала де Голля. Тогда мы ответим, что доверять Пасси так, как ему доверял де Голль, было преступлением.

Расхищенные суммы были частью средств, предназначенных для организаций движения сопротивления во Франции. Как нужно квалифицировать деятельность кагуляров, которые лишали финансовой поддержки тех, кто сражался во Франции, — ради того, чтобы создать тайные денежные фонды для целей, чуждых сопротивлению?

Отметим, наконец, что все эти жульнические махинации, целью которых была маскировка прежних незаконных операций, имели место в декабре 1945 г. А отставка генерала де Голля, столь же внезапная, сколь и неожиданная, относится к январю 1946 г. Случайно ли принял Пасси все эти меры предосторожности за месяц до отставки генерала, которая привела к его собственной отставке? Или, быть может, он знал о решении, которое собирался принять генерал де Голль?

Полвека спустя после дела Дрейфуса мы опять слышим, как для покрытия преступлений ссылаются на «интересы государства». Пересмотр дела Дрейфуса не подверг Францию никакой опасности. Наоборот, после того как Золя провозгласил истину, враги республики, защищавшие предателя Эстергази, вынуждены были капитулировать. Тогдашние органы секретной службы — предки Д.Ж.ЕР. — отступили.

На этот раз ссылкой на «государственные интересы» пытаются прикрыть мошенничество Пасси. Теперь речь идет даже не об «интересах государства», а об «интересах генерала». Того генерала, который (мы это особенно подчеркиваем) в то время, когда на него ссылались как на авторитет, был лишь простым гражданином. Знал он

или не знал о прежних махинациях Пасси? Во всяком случае, после последнего скандала генерал де Голль, как и прежде, не отвернулся от своего помощника. А повиновение Д. Ж. Е. Р. воле генерала было настолько велико, что Пасси достаточно было произнести его имя, чтобы французские офицеры согласились подделать бухгалтерскую отчетность и скрыть государственные фонды. Правда, Д. Ж. Е. Р. кишело кагулярами и наиболее видные должности в нем занимали члены «Аксьон франсэз», как, например, Кордые, начальник канцелярии Деаврена, принимавший участие в его самых темных авантюрах и уехавший на Мартинику за несколько дней до начала процесса Арди¹, хотя как бывший секретарь Жана Мулена он мог бы, несомненно, пролить некоторый свет на это дело. Не потому ли штаб Д. Ж. Е. Р. состоял из таких людей, что в нем господствовал дух Пасси, которого избрал и поддерживал генерал де Голль?

Нужно признать, что это — логическое завершение идей книги Шарля де Голля «На острие шпаги». «Честолюбец первого ранга» становится «великим» человеком в июне 1940 г., «потому что он к этому стремился». Однако он был бы неправ, если бы приписывал свою удачу только «изрядной дозе эгоизма, надменности, жестокости и хитрости», без которой он не представляет себе государственного деятеля. Если заместитель министра в правительстве Рейно стал «генералом де Голлем», то это, прежде всего, потому, что занятая им внешне позиция в тот период отвечала патриотическим чувствам французского народа

Но честолюбец типа де Голля может объединить вокруг своей персоны только клику интриганов, готовых на всякое ренегатство, на всякое злоупотребление, и это даже в том случае, если его деятельность на некоторое время совпала с желаниями и чаяниями французского народа. Посредственность людей из ближайшего окружения де Голля подтверждает это — посредственность умственная, посредственность духовная.

Дело даже не в том, знал или не знал генерал де Голль о растратах Пасси; важно то, что он не может

¹ См. стр. 74

осудить подобных действий, *потому что он не демократ*, потому что он — «честолюбец первого ранга». С какой же стати его фанатики, т. е. те, кем он окружил себя, такие же реакционеры и противники республики, как я он, вдруг станут уважать общие законы больше, чем уважает их генерал?

Так «деголизм» превратился в перманентный заговор против республики, заговор, где одной из основных фигур является полковник Пасси, в настоящее время свободный, как ветер, после своих спекуляций валютой, золотом, общественными средствами; полковник Пасси, который бросает миллионы, принадлежащие республике, в окна своих любовниц, но который, однако, что бы там ни говорилось об этом в докладе Рибьера, расхищал государственные средства не только из одних «побуждений личного характера»; полковник Пасси, который в своей личной жизни дошел до того, что стал открыто общаться с людьми, *«поведение которых во время оккупации не было безупречным»*, стал публично защищать Петэна и коллаборационистов и высмеивать движение сопротивления!

Излишне говорить о всех тех ухищрениях, подлогах и процессуальных вывертах, при помощи которых деголлецам удалось добиться того, чтобы Пасси не предстал перед судом.

Мошенника Пасси не судили: таков факт.

Подчеркнув, что подлинность доклада Рибьера никем не оспаривается, газета «Монд» перечисляла все обвинения, предъявленные полковнику Деваврону, и заканчивала следующими словами:

«Доклад, который мы только что проанализировали, был опубликован год тому назад; сам Рибьер именуется его «предварительным докладом». Предъявленные обвинения очень серьезны. Их нельзя оправдать ни ссылкой на «государственные интересы», ни тем, что дело касается органов секретной службы. Мы были бы рады узнать, на какой стадии находится сейчас следствие, которое на протяжении года не могло не продвигнуться.

Достойно сожаления, что опубликование доклада, сугубо административного, конфиденциального характера

привлекло общее внимание к еще недостаточно выясненному делу».

Всем честным французам кажется достойным сожаления, что через год после установления столь серьезных обвинений, после признания хищений государственных средств и фальсификации бухгалтерских документов, следствие все еще «не выяснило» дела Пасси.

Но много ли еще осталось выяснить?

Даже «защита» уже сказала свое слово. В самом деле, Пасси попытался оправдаться после того, как г-н Тейтжен, в то время министр юстиции, вкратце изложил на одной пресс-конференции несколько обвинений, предъявленных бывшему директору Д.Ж.Е.Р. 12 сентября 1946 г., то-есть через четыре месяца после опубликования доклада Рибьера, в газете «Франс-суар» на первой полосе на четырех колонках под заголовком «Пасси отвечает по пунктам на обвинения министра юстиции» и на трех колонках второй полосы под заголовком «Пасси не должен быть искупительной жертвой на алтаре трехпартийной системы» мы находим весьма неубедительные попытки оправдать Пасси.

Первое обвинение, по словам Пасси, заключалось в том, что он не сообщил генералу де Голлю о создании тайных денежных резервов; и Деваврэн развязно отвечает, что «у него были более важные темы для разговора с генералом, чем эти несколько миллионов (напомним, что речь идет, по крайней мере, о 77 млн. франков), сумма незначительная по сравнению с теми, которые проходили через его руки».

Нетрудно увидеть легковесность такого оправдания, которое, впрочем, и нельзя назвать оправданием, ибо вся серьезность этого дела заключается не в том, что Пасси забыл информировать генерала де Голля о своих хищениях, а именно в том, что Пасси, не сообщив ничего преемнику де Голля, счел необходимым испросить мнение своего бывшего начальника, бывшего главы правительства, прежде чем вернуть правительству республики хотя бы небольшую часть расхищенных им денежных средств.

Пасси в газете «Франс-суар» ничего не сказал о факте подделки бухгалтерских книг до сдачи их своему

преемнику Рибьеру. Но по поводу маскировки различных операций в бухгалтерской отчетности он заявил со свойственной ему развязностью: «Некоторые операции секретного характера должны были остаться в тайне (речь идет, вероятно, о 10 млн., переданных газете «Франс-суар»?). Но все документы, имеющие отношение к этим операциям, сохранились полностью в управлении».

Говорить так — значит насмехаться над общественным мнением, которому известно, что 10 млн, отданных газете «Франс-суар», были заменены 10 млн, поступившими в Д.Ж.Е.Р. из совершенно другого источника.

Мы не нашли во «Франс-суар» ничего такого, что бы имело отношение либо к предоставлению этой газете займа в 10 млн., либо к спекуляции иностранной валютой.

Было ли продолжено следствие? Была ли образована следственная комиссия, а если да, то где она собиралась?) се ли отрицал или во всем признался полковник Пасси? Но раз имелись неопровержимые доказательства всех этих преступлений, почему же его не судили? Благодаря чьему вмешательству?

Председатель совета министров сказал недавно: «Есть только один закон, и он действителен для всех».

За исключением, очевидно, Пасси, г-н министр юстиции?

Весь вопрос в том, чей лозунг одержит верх; деголлевский — «Шпага — ось мира» или республиканский — «Дать силу закону!»